

Думать о будущем драматургии

Молодой драматург! Каким праздником, событием в искусстве становится появление нового таланта, принесшего в театр свежести, неустаревающего чувства, страсти мысли, свое неповторимое видение жизни. Но, к сожалению, такие события редки в нашей драматургии.

Значит ли это, что молодых, способных драматургов у нас нет вообще? Конечно, это не так. Имена В. Розова, А. Макаенко, А. Салынского, А. Кожмякина, В. Лавренцева, Г. Мухтарова, М. Бараташвили, М. Талвесте, Ю. Принцева достаточно известны зрителю.

Но приток новых сил в драматургию очень мал по сравнению с тем размахом театрального дела, который существует в нашей стране, а главное, слишком долго задерживаются многие молодые писатели в стадии «общающихся», слишком слабо они еще участвуют в практической работе по созданию репертуара.

И это вызывает тревогу, это заставляет задуматься о будущем нашего театра, о том, что сегодня у нас еще нет достойной школы мастеров старшего поколения.

Почему же неуверенно обстоит дело с драматургической молодежью? Почему драматургия отстает в этом отношении от смежных областей литературы?

Бесспорно, драматургия — труднейший род литературы. Владение им требует долгого опыта, упорства, особого чувства меры — этих качеств поначалу не хватает молодым начинающим литераторам. Однако вряд ли специфические трудности жанра можно считать решающей причиной. Ведь в каждом роде литературы есть свои большие или меньшие препятствия. Дело, очевидно, в другом — в ослаблении внимания к воспитанию начинающих драматургов.

Хорошо, что комиссия по драматургии ежегодно собирает семинары молодых драматургов и, кстати, большинство писем молодых, вышедших на всеобщую сцену, прошло эти семинарские обсуждения. Много для выявления молодых сил делает журнал «Театр». И все же внимание к молодым драматургам далеко не достаточно, и прежде всего — со стороны театров.

Кого дал нашей драматургии за последние годы МАХАТ? Чье неизвестное доселе имя прогрессом на подмостках Малого театра? Кто в последнее время удачно дебютировал в Театре имени Маяковского? Как работают с молодыми писателями Театр имени Вахтангова? На все эти вопросы последует однообразно отрицательные ответы.

А ведь где, как не здесь, должна проходить своя «университетская» драматургическая молодежь, кто, как не эти театры вместе с другими, наиболее опытными коллективами, должны давать нашей драматургии и сцене новые силы? В традициях Театра Советской Армии всегда была работа с молодыми авторами. На его сцене появились первая пьеса Н. Винникова «Степная вдова», он поставил «За вторым фронтом» В. Собко, «Сталинградцы», «Последние рубцы», «Советы» Ю. Чепурина. Но за последние годы эти хорошие традиции повыветрились, связи порвались. И даже к Чепурину, с которым, казалось бы, у театра давняя дружба, коллектив не проявил должного внимания, он не поверил в своего автора. Спектакль «Весенний поток» оказался значительно слабее пьесы.

Работа с молодежью — это не обременительная, бесполовая нагрузка, а хотя и трудная, но плодотворный путь. Видя ли Центральный детский театр рассчитывая стяжать особые лавры постановкой первой пьесы начинающего драматурга В. Розова «Ее друзья». Но театр почувствовал в этой во многом наивной пьесе дыхание подлинной жизни, удавая искренность и темперамент незаурядного таланта и, самое главное, почувствовал своего драматурга, близкого всем своим обликом стилю и духу театра. И сегодня, когда мы радуемся одной из лучших постановок сезона — спектаклю «В добрый час», мы не можем не вспомнить, что он родился именно как результат творческого союза театра и драматурга.

Уметь увидеть своего автора, поверить в него, помочь ему, стать его другом и наставником — как это важно, необходимо для нашего театра! Заслуживает уважения работа Тамбовского театра с молодыми драматургами П. Архангельским и

И. Деятовым. Мы знаем, как много творческих усилий отдал Новосибирский театр первым пьесам В. Лавренцева, Воронежский — Б. Локотскому. Мы радуемся успеху Владивостокского театра, поставившего за короткий срок три пьесы местных авторов, вышедших в Е. Бондареву и В. Желудкову. Но почему так мало театров Москвы и Ленинграда мы можем назвать в этом перечне? Наши лучшие театры всегда активно искали и находили новые пьесы, новых авторов. Стоит вспомнить слова Станиславского на юбилей МАХАТ: «Я об этом говорил, и сейчас повторяю — мы ищем соприкосновения и единения с нашей литературой, которая подает большие надежды... Писать в первый раз для сцены не так легко... Нам надо быть терпеливыми, добродетельными, а иначе самого талантливого писателя можно загнать или оттолкнуть». Это замечательные слова, и они должны стать программой действия театров.

В приведенном высказывании Станиславского указана еще одна не используемая нашими театрами возможность. Речь идет о привлечении интересных, обещающих художников из других жанров в драматургию. Сейчас, к сожалению, наши ведущие режиссеры очень мало интересуются смежными родами литературы. А если такое внимание проявляется, то по большей части в интересе к произведению, а не к писателю. Есть инсценировки известных прозаических вещей, но что-то не слышно о молодых прозаиках, пришедших в театр.

Говоря о нехватке начинающих со стороны театров, было бы неверно пройти мимо недостатков в работе самих молодых драматургов. Общая беда многих писем, поступающих в издательства, журналы, управления культуры, — отсутствие самостоятельности, оригинальности. Еще очень не часто мы можем сказать: да, это пришел художник со своей темой, с острым гражданским чувством, писатель, твердо знающий, во имя чего написал он свое произведение, и сознающий, что не написать его он не мог.

В 1931 году Горький отвечал одному начинающему драматургу: «Я задаюсь без пьельного сумрака театральными кулисами», — пишет В. А. Кроме того, что вы «защитываетесь», есть ли у вас какой-либо иной, более серьезный стимул для сочинения пьес? Если такового вы не чувствуете, то — мне кажется — вы испытываете очень много огорчений на пути, избранном вами». Над этими словами стоит задуматься каждому молодому писателю и еще раз серьезно посмотреть свой душевный багаж.

Многие пьесы молодых писателей отмечены мелкостью проблематики, слабостью обобщений, эмпиризмом. Недостатки эти связаны с невысокой культурой их авторов, отсутствием широкого кругозора. Еще и сегодня актуально в отношении драматургии горьковское замечание: «...современные молодые литераторы вообще плохо учатся и тупо растут потому». И повинен в этом, в большей мере, союз писателей, где нет еще достаточно требовательного, вскакивающего, а значит — заботящего отношения к молодым драматургам, нет постоянной, заинтересованной творческой помощи молодежи.

«Тугой рост» — беда многих наших драматургов. Но приходится сталкиваться и с более печальным явлением. Проследив судьбы некоторых молодых писателей, убеждаешься, что их первые пьесы остались пока и лучшими, что вместо ожидаемого творческого роста наступил длительный спад. Так произошло, например, с С. Аленниковым, Н. Винниковым. Различные, очевидно, субъективные причины, обусловившие творческие неудачи писателей. Но эволюция их шла общим путем: от произведений, почас формально несовершенных, но искренних, достоверных, к поверхностным, но зато رسمленно грамотным вещам. Очевидно, здесь следует говорить о неверном понимании мастерства, о неверных ориентирах, поставленных себе писателями.

Велик и сложен круг вопросов, обнимающий творческую деятельность молодых драматургов. Но несомненно одно: решить их можно только соединенными усилиями драматургов, театров, Союза писателей, критики. Мы богаты драматическими талантами, но о них нужно заботиться, их нужно растить. Молодежь — будущее нашей драматургии, и необходимо сегодня, сейчас готовить это будущее.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Человек с хорошим сердцем

Тихон ЖУРАВЛЕВ

В колхозе «Серп и молот», самом отстающем не только в районе, но и, пожалуй, во всей Татарии, сменялись двадцать четыре председателя.

Одних привозили из районного центра на райкомовских дрожках с плетеным сиденьем, других выбирали в своей деревне чуть ли не по жребию. И те и другие редко задерживались. На должность председателя шли, как на жертву. Перебывали в этой должности люди разных способностей и характеров, но колхоз упорно оставался в любой сводке по району в самом низу, на последней строчке.

Короче говоря, председатели менялись, а положение в колхозе оставалось прежним.

Три года назад перед севом дошло до того, что колхоз и вовсе остался без председателя. Свои колхозники ишли на эту должность уже не соглашались, в районе тоже не было охотников.

Тогда пришла в райком учительница Евдокия Георгиевна Антонова и робко предложила: «Дайте, я попробую!».

Евдокия Георгиевна хорошо знала всех колхозников артели и верила, что с этими людьми можно поднять хозяйство. На ее глазах проходила вереница председателей, все они были чересчур самоуверенными, властными, и это, по ее убеждению, портило дело. Сама она была не такой уверенной, подчас даже робкой, но очень прочно верила в людей. Ее кандидатура обсуждалась долго, пока, наконец, не предложили колхозному собранию.

С той поры прошло три года. По многим отраслям хозяйства колхоз выходит в передовые. Недавно Евдокия Георгиевна в числе лучших председателей колхозов республики была на совещании в Кремле. И только теперь все увидели, чего не хватало колхозу «Серп и молот»: правильного, человеческого отношения к рядовым его работникам. Нет у Евдокии Георгиевны «железной руки»; перед тем как принять решение, она долго советуется со всеми колхозниками. Нет у ней и грубого окрика, чтобы угрожать колхозникам громовым голосом и держать их в постоянном страхе.

Теперь стало ясно, что в прошлом отстающему колхозу «Серп и молот» нужен был на посту председателя человек с хорошим сердцем. Таким человеком и оказалась двадцать пятый председатель, которому посвящены эти заметки.

Я спросил Евдокию Георгиевну: — С чего вы начинали? — С людей, конечно. — ответила она. — Уточнил, сказал, что меня интересует ее первые шаги на посту председателя. Антонова засмеялась.

— Об этом даже неудобно рассказывать... Зашла я в первую избу на краю деревни. Жил в ней инвалид Степан Иванович. Этот Степан Иванович день работал, неделю отдыхает. Четыре его сына тогда в колхозе одной ногой, ждут, не дожидаясь случая, как бы уйти из деревни. Ну, и живут они очень плохо. Рыба у них протекает, — дело было в рождество. Захожу. «Что же вы, говорю, как крышу себе не покроете?» «Чем?» — спрашивает хозяин. «Соломой, конечно». «А где она?» Соломы, действительно, в колхозе мало: сгнила осенью. И, однако, я ему обещала выплывать. «Нам пятый год обещают», — говорит хозяин. «Ничего, как-нибудь до тепла дотерпим». И ему предлагаю пойти со мной сейчас же в правление, чтобы оформить выписку, а он: «Не разбазаривай солому». Выходит, я его жалую, а он — меня. Все-таки уговорила старшего библиотекаря, в Новом Ключе — красивый уголок. Ко всем деревням тянут про-

мочу и скоро свет погаснет. Теперь же, оставшись одна, Антонова продолжает разговор о колхозе письмами. Она отвечает солдату Маланину, бывшему колхознику. Тот в письме благодарил председателя за помощь его матери, которой колхоз помог поставить новый дом. Николай Маланин обещает вернуться домой, но уже не ездовым, а шофером. Да, отвечает ему Евдокия Георгиевна, шоферы очень нужны: колхоз только что купил две новые автомашины.

Все, что уже пришел из армии, остались в своем колхозе. Только один Аоп Гальямов из Нового Ключа собрался было в город, съезжаясь на то, что он один и жить ему негде.

— Как же это негде? — удивилась Антонова. — Смотри, какая у тебя семья! Правление колхоза отремонтировало Гальямову старый дом, помогло с проволочным. Сейчас он работает в полевой бригаде и совсем недавно пригласил Евдокию Георгиевну с мужем на свадьбу.

Те времена, когда в колхозе не хватало рабочих рук, уже проходят. В бригады возвращаются из города бывшие колхозники, причем целыми семьями. На днях приехал старый коммунист Петр Матвеевич Филиппов, в семье которого пять человек и все трудолюбивые.

Но даже особенно бурный приток «возвращенцев» за эти последние месяцы не так волнует председателя, как будущее колхозника. По старой привычке сельской учительницы она идет в школу и управляет учителями, даже сама им помогает наладить работу на пришкольном участке, чтобы всеми силами воспитывать у детей любовь к земле. До сих пор ученики, окончив школу, старались уйти в город. Многие, кому не удалось поступить учиться дальше или уехать в город, собирались на улице ватагами, гонимы голубей, изощрили по вечерам в налетах на колхозные салы и огородах. Коноводом одной такой шумной ватаги долгое время был способный в прошлом ученик Коля Родин, очень подвижный подросток. Его звали загваром, потому что он с утра до вечера вертелся у гаража. Председатель несколько раз сходил к Коле домой и, наконец, уговорила его поступить в прищепошколь. Сейчас фотографии Коли Родина висят на Доске Почета — он уже не такой лохматый, подстрился. За Рождичным потанцуют на работу в колхоз и другие подростки.

Антонова рассказывает: — Меня допрашивали иногда расспросами об опыте работы, и я в таких случаях терпела. Кажется, ничего не сделала такого необычного, нового не открывала, — все-таки поверю в людей, и они мне верят. Слова председателя должны подкрепляться делом. Пообещав, а потом не выполнив — значит потерять у колхозников доверие и нанести урон колхозу...

Из-за того, что кормов не хватало, колхозники много лет не получали на трудодни обещанного сена. В горячую сенокосную пору, будучи, косарей не соберешь — большая часть травы оставалась несекшею. В первый год председательства Антоновой с трудом удалось найти всего лишь четырнадцать косарей, но когда они получили десять процентов от уборанного сена, колхозники убедились, что новый председатель тверда на слово, и в следующем году на сенокосе пришло уже не четырнадцать, а сорок восемь косарей.

Да, Евдокия Георгиевна любит в колхозе. Но нельзя еще сказать, что поголовно все колхозники поддерживают председателя.

Здоровая, с румянцем во всю щеку, бе-

да — и скоро свет погаснет. Теперь же, оставшись одна, Антонова продолжает разговор о колхозе письмами. Она отвечает солдату Маланину, бывшему колхознику. Тот в письме благодарил председателя за помощь его матери, которой колхоз помог поставить новый дом. Николай Маланин обещает вернуться домой, но уже не ездовым, а шофером. Да, отвечает ему Евдокия Георгиевна, шоферы очень нужны: колхоз только что купил две новые автомашины.

Все, что уже пришел из армии, остались в своем колхозе. Только один Аоп Гальямов из Нового Ключа собрался было в город, съезжаясь на то, что он один и жить ему негде.

— Как же это негде? — удивилась Антонова. — Смотри, какая у тебя семья! Правление колхоза отремонтировало Гальямову старый дом, помогло с проволочным. Сейчас он работает в полевой бригаде и совсем недавно пригласил Евдокию Георгиевну с мужем на свадьбу.

Те времена, когда в колхозе не хватало рабочих рук, уже проходят. В бригады возвращаются из города бывшие колхозники, причем целыми семьями. На днях приехал старый коммунист Петр Матвеевич Филиппов, в семье которого пять человек и все трудолюбивые.

Но даже особенно бурный приток «возвращенцев» за эти последние месяцы не так волнует председателя, как будущее колхозника. По старой привычке сельской учительницы она идет в школу и управляет учителями, даже сама им помогает наладить работу на пришкольном участке, чтобы всеми силами воспитывать у детей любовь к земле. До сих пор ученики, окончив школу, старались уйти в город. Многие, кому не удалось поступить учиться дальше или уехать в город, собирались на улице ватагами, гонимы голубей, изощрили по вечерам в налетах на колхозные салы и огородах. Коноводом одной такой шумной ватаги долгое время был способный в прошлом ученик Коля Родин, очень подвижный подросток. Его звали загваром, потому что он с утра до вечера вертелся у гаража. Председатель несколько раз сходил к Коле домой и, наконец, уговорила его поступить в прищепошколь. Сейчас фотографии Коли Родина висят на Доске Почета — он уже не такой лохматый, подстрился. За Рождичным потанцуют на работу в колхоз и другие подростки.

Антонова рассказывает: — Меня допрашивали иногда расспросами об опыте работы, и я в таких случаях терпела. Кажется, ничего не сделала такого необычного, нового не открывала, — все-таки поверю в людей, и они мне верят. Слова председателя должны подкрепляться делом. Пообещав, а потом не выполнив — значит потерять у колхозников доверие и нанести урон колхозу...

Из-за того, что кормов не хватало, колхозники много лет не получали на трудодни обещанного сена. В горячую сенокосную пору, будучи, косарей не соберешь — большая часть травы оставалась несекшею. В первый год председательства Антоновой с трудом удалось найти всего лишь четырнадцать косарей, но когда они получили десять процентов от уборанного сена, колхозники убедились, что новый председатель тверда на слово, и в следующем году на сенокосе пришло уже не четырнадцать, а сорок восемь косарей.

Да, Евдокия Георгиевна любит в колхозе. Но нельзя еще сказать, что поголовно все колхозники поддерживают председателя.

Здоровая, с румянцем во всю щеку, бе-

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:
Николай Погодин. — Барговые облака (2 стр.).
РЕПОРТАЖ ПО ПИСЬМАМ ЧИТАТЕЛЕЙ. Подписные издания. Школьная парта. Обратный билет (2 стр.).
Март Рауд. — Скользя по поверхности (3 стр.).
Юрий Олеша. — Вот это для детей! (3 стр.).
С. Машинский. — Монография о творчестве Гоголя (3 стр.).
Карл Клейншмидт. — Германия и Женевское совещание (4 стр.).
В. Коротев. — Это не может не нравиться... Из чехословацких впечатлений (4 стр.).

детная вдова Малашкина вышла недавно замуж за престарелого вдовца, у которого дом, усадьба, полное хозяйство: корова с телком, семь овец и полсотни разной птицы. Нет, в колхозе им работать незачем — ему по старости, а ей «поисницу лопать».

— Не вначе, на пекче засиделась, — говорит Малашкиной бригадир. — А потом сквозняком продуло.

Другая пара — Вася Марфин и жена его Лидушка тоже не нуждаются в колхозе. Они отделяются только минимальным трудом, чтобы удержать свою усадьбу. Марфин — инвалид войны, а жена его, разбодравшая без работы, жалуется на одышку. Но зимой, когда в соседнем лесничестве илет рубка, Марфиных дома не удержишь: они усердно стремятся заработать дрова — в таком количестве, чтобы хватило торговать ими все лето.

Есть и еще одна тяжелая семья — первого председателя этого колхоза Степана Федоровича Дмитрия. Правда, председателем он был недолго, но о той поре сохранилось много веселых рассказов. Будучи малолетним, Степан Федорович полишивал бумажки, не читая. Но когда сегодешнее обязательство, председатель после спрашивал, прежде чем расписаться.

— А про меня тут ничего не написали?

Короче говоря, Степан Федорович был тогда не шибко образованным. Зато теперь он чересчур стал образованным. Недаром называют его в деревне «законошником». Говорит он первый, не перешорившись.

Живет Степан Федорович на краю деревни. Широкий двор у дома огорожен каменистым забором, в саду красуются улья, а по склону прилегающей к усадьбе огорога, на этой бросовой земле, рачительный хозяин развел малинник. В семье Степана Федоровича тоже четыре человека, но никто из них в колхозе не работает вот уже много лет. У самого — «руки ноги», у жены его — «ноги тикучишные», а у снохи — ребенок. Так что для колхоза семья эта бесполезна. Но нельзя сказать, что Степан Федорович не нуждается в колхозе. Нет, он чувствует себя обязательным явлением, ходит в правление требовать подводу, помощи, дров для отопления, как «первому организатору колхоза».

Да, трудно Антоновой с такими семьями.

Недавно прокатился слух: Антонова будто уходит с поста председателя. Муж ее — директор соседней инкубаторной станции — предьявляет ультиматум: или он, или колхоз. Правда, слух этот не без причины, какие-то разговоры на эту тему были с мужем, но не в такой категорической форме.

Тем не менее колхозники потребовали провести колхозное собрание и, не дожидаясь согласия, сами сошлись к правлению. Старый конюх Майоров с буленовскими усами пришел даже в новой солдатской гимнастерке с медалями во всю грудь.

— Не пустим, — объявил он председателю.

— Буда же это? — сказала дочка Ларина, две дочери которой после школы тоже стали дворниками. — Только что жизнь наладили, и вот тебе...

Евдокия Георгиевна смотрела на всех сияющими серыми глазами и почему-то улыбаясь. На молодом еще, красивом лице ее легли печальные морщинки — всем казалось, что председатель собирается паковать.

— Никуда я не уйду от вас, — сказала она дрогнувшим голосом и досадиво махнула рукой. — Так что собрания не будет...

ТАТАРСКАЯ АССР

Ученые — строителям

Беседа с академиком П. А. Ребиндером

Есть простое и емкое слово, которое наиболее полно характеризует жизнь, планы, мечты советских людей — социализм. Всему миру известно, какой размах приобретает сейчас на нашей земле строительство новых заводов и фабрик, железных дорог, электростанций, домов.

Единственное средство, при помощи которого можно справиться с этим невиданным доселе объемом создания, — это всемерное развитие индустриальных методов строительства. И здесь основным является широкое применение сборных железобетонных конструкций.

В прошлом году производство сборного железобетона было доведено у нас до 5 миллионов кубометров. Но это не может удовлетворить потребности страны.

«Необходимо в ближайшие три года», — говорил Н. А. Булгаков в докладе на июльском пленуме ЦК КПСС, — «увеличить производство конструкций и деталей из железобетона по крайней мере в четыре — пять раз».

Наш корреспондент попросил академика П. А. Ребиндера рассказать читателям «Литературной газеты» о том, как ученые помогают строителям в решении этой важнейшей народнохозяйственной задачи.

— Мне пришлось быть, — говорит Петр Александрович Ребиндер, — на всеобщем совещании строителей, и я помню, с каким одобрением встретил я слова Н. С. Хрущева о том, как важно сейчас всемерно развивать цементную промышленность.

Ясно, что увеличение производства цемента и бетона должно сопровождаться постоянным повышением их качества. И здесь — огромное поле деятельности для советских ученых. Они должны использо-

вать все достижения современной науки, чтобы дать строителям высококачественный материал, отвечающий требованиям новых индустриальных методов работ.

Бетон — это искусственный камень. Природа создавала горные породы на протяжении тысячелетий. Мы же свою искусственную «горную породу» должны производить неизмеримо лучше, прочнее и, разумеется, быстрее.

Какой же главный критерий в определении качества бетона? До сих пор многие теоретики и практики считали, что главное в бетоне — его механическая прочность. Но это не совсем так. Ведь бетон, как говорят строители, «работает» в совершенно различных условиях: в сухом воздухе пустыни и на дне моря, в мороз и в жару, в воде и под землей; в разные времена года он будет то замерзать, то оттаивать, то увлажняться, то высыхать. Естественно, что, независимо от начальной прочности, во всех этих случаях бетон будет вести себя по-разному.

Приведу простой пример, который у всех перед глазами. Строится дом, и бетон одной марки, одинаковой механической прочности используется и для стены и для балкона. Но балкон — выступ, наиболее уязвимое место. Со стены вода скатывается, а на балконе задерживается, проникает в поры, зимний замерзает, и мы видим подтеки, трещины, а иной раз и вовсе развалившиеся балконы. Значит, не в одной прочности дело. Нужна еще стойкость.

Как же добиться того, чтобы бетон был достаточно стойким в различных условиях? На этот вопрос и должна отвечать наука о бетоне.

Некоторые «теоретики» могут спросить: «Что это за наука о бетоне? Существует

ли она вообще? Ведь бетон — это чистая практика!». Они часто и слышать не хотят о таком «применении» высокой науки: «Теория цемента, теория лебобетона... Это — несерьезно!». А я всегда вспоминаю, когда слышу такие суждения, ироническую реплику академика Цициана: — О хлебе скучно слушать, но вкусно кушать.

Лучшим ответом горе-теоретикам, чуждавшимся практики, могут послужить замечательные ленинские слова о том, что наука у нас не должна оставаться мертвой буквой или модной фразой, а должна входить в плоть и кровь, превращаясь в составной элемент быта.

В этой беседе мне и хочется рассказать, как та область науки, в которой я работаю, «входит в плоть и кровь», как она становится «составным элементом быта».

По специальности я физико-химик. Особенно близка мне одна из областей физической химии, появившаяся совсем недавно — физико-химическая механика, которая является основой науки о бетоне.

Современный бетон изготавливается из трех основных частей — цемента, воды и каменных заполнителей. Спрашивается, можно ли управлять свойствами бетона при одном и том же составе? И это не праздный вопрос. Непрерывно разрабатывается строительство предъявляет к бетону все новые и новые требования. Сейчас нужен, например, бетон с повышенной прочностью в начальный период твердения — это позволило бы значительно упростить процесс изготовления сборных железобетонных конструкций. Гидротехническое строительство требует бетоны, способные оказывать высокое сопротивление переменному действию замораживания и оттаивания, насыщения водой и высушивания. Дорожники требуют бетон с минимальной усадкой.

Известно, что конструктор любого механизма с первых же своих шагов знает, какими свойствами должна обладать его кон-

струкция в действии, и в соответствии с этим он проектирует механизм. Точно так же должно происходить и с проектированием бетона. Человек должен научиться управлять свойствами этого искусственного камня и его работой при любых режимах. Именно здесь и должна оказать помощь физико-химическая механика.

Вот некоторые из практических проблем, которые решает сейчас эта новая область знаний, возникшая на стыке трех наук — физики, химии и механики.

Как известно, прочность и долговечность строительных растворов и бетонов определяется плотностью структуры — пористостью, размерами кристалликов и условиями их строения. Доказано, что всем этим факторами можно управлять. Достигается это с помощью малых добавок так называемых поверхностно-активных веществ. Точно так же, как малые добавки различных элементов в стали улучшают ее качество, так и поверхностно-активные вещества повышают качество бетона.

Номалую роль в повышении стойкости и долговечности бетона играет качество цемента. Чем тоньше измельчен цемент, тем больше вяжущей способностью он обладает и тем полнее используется. Сейчас разработан новый метод тонкого измельчения цемента — так называемый вибропомол, при котором размеры частиц доходит до сотой и тысячной доли миллиметра. Советские конструкторы создали специальные вибромельницы. Эффективность работы этих мельниц повышается благодаря применению нового метода — помолы в жидкой среде; это, на мой взгляд, — подлинный переворот в производстве цемента.

Следует, однако, сказать, что, несмотря на значительные успехи в химии цемента, мы еще недостаточно разрабатываем научные основы технологии приготовления бетона. Думаем, и в деятельности Академии наук СССР эти вопросы должны занять значительно большее место.

Понятно, что поднять культуру цементного производства можно лишь при том

условии, если будут убраны препятствия на пути нового, прогрессивного. К сожалению, защитники старого еще встречаются и в цементной промышленности и в научно-исследовательских учреждениях. Так, например, тот же метод мокрого помола, предложенный С. В. Шестоперовым, встретил сильное сопротивление людей, которых я назвал бы «апостолами неведения». Они защищали грубый помол цемента. Такой цемент легче перевозить, он дороже сквхвачивается, к радиости неумелых организаторов работ, он будет долго крепнуть и через много лет может стать, к осторству перестраховщиков, прочнее, чем было запроектировано.

Есть еще и такие теоретики, которые хотят повышать прочность бетона за счет увеличения расхода на него цемента. Вместо того, чтобы всячески экономить этот ценный материал, они пытаются доказать, что если, скажем, на кубометр бетона затратить более 300 килограммов цемента, то это очень хорошо: бетон, дескать, будет прочным и долговечным. При этом они, очевидно, не замечают, что походит на то же солдата из всем известной русской сказки, который вари суп из топора.

Задача и ученых и строителей — творчески подходить к научным проблемам, не действовать по одной и той же схеме, не держаться за шаблоны. Здесь мне особенно хотелось бы отметить ту страстность и логичность последовательности, с которой С. В. Шестоперов воевал против догматизма и шаблона в науке о бетоне. Не так давно он защитил диссертацию «Долговечность бетона». Защита прошла весьма успешно. Но написавшие осторожные люди, которые стали давать «советы» соискателю: «Зачем вам, Сергей Владимирович, заезжать в те области, в которых нет ни тени научного подхода. Ну что вы, например, так ополчились против принятой стандартизации бетона? Ведь это не дело ученых». Хорошо запомнилась ответ С. В. Шестоперова: «Мой более чем

двадцатилетний труд, обобщенный в диссертации, не стоил бы ломаного гроша, если бы он не помог нашим практикам бороться против старого, если бы он не лег, как случилось со многими диссертациями, на пыльную полку архива».

В этом ответе глубокая мысль. Любая наука, самая, казалось бы, отвлеченная, засохнет, завянет на корню, если она не будет черпать жизненный влагу из практики. И когда я думаю о перспективах науки, будущее рисуется не столько в новых теориях, формулах, сколько в практических делах.

Бетон — сам по себе материал долговечный. В ближайшем будущем мы научимся управлять процессами, происходящими в нем. Тогда мы увеличим срок службы этого материала в самых трудных условиях. Тогда же мы сможем значительно быстрее строить дома, заводы, плотины, затрачивая при этом гораздо меньше цемента, чем сейчас. Более того, можно и нужно заменять цемент более дешевыми местными материалами и отходами промышленности. Замечательным вкладом для бетона могут быть отходы металлургического производства, например, огнено-железные шлаки. Применение их даст нам значительную экономию цемента. И поскольку шлакобетон хорошо держит тепло, стены домов можно будет делать в два раза тоньше обычных. Кроме отходов металлургической промышленности, можно с успехом применять и другие заполнители для того, чтобы получать легкий и «теплый» бетон. На смену теплоизоляционным материалам приходит воздух в виде пенобетона. Тонкие и легкие стены зданий будут похожи на двойные рамы обычных окон...

Некоторые могут спросить: «Где же здесь будущее науки? Ведь вы говорите только о практике?». Однако мне думается, что будущее любой науки и состоит как раз в служении научным нуждам человека. В этом — смысл существования всех областей знания, всех наук.

БАГРОВЫЕ ОБЛАКА

Николай ПОГОДИН

КОНЦЕРТ ДРУЖБЫ

РЕПОРТАЖ по письмам читателей

ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ

...Опять наши издательства, и в первую очередь Гослитиздат, не выполняют плана выпуска подписных изданий. Нет ни одного издания, по которому вышло бы большее количество томов. В чем дело? ВИННИЦА С. МИХАЛЕВСКИЙ.

Ленинградской ССР. Здесь между ним и работниками министерства произошел следующий разговор:
— Скажите, пожалуйста, как обстоит дело с бумагой для подписных изданий?
Я. Балмасов — начальник Главбухсбыта: Плохо! Мы комбинаты не отгружаем бумаги.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Первая картина
Зашедшие деревья в палисаднике стеной
станции Приуралья. Предрассветная зима.
Течет бабровые облака.
Выходит ЮЛЯ, башир, с лестницей. Он
тешит Фонаря.

Юлей (думая). Все переженем! Русских развалит, татару тоже будем, наших башир мало-мало переженем... Все переженем, кто есть богатырь. Потом нам хорошо будет. (Поет неизвестную песню). Русских много богатырь, казачьих татар тоже хуляет... Башир маловато, однако тоже их переженем. Очень хорошо будет.

Выходит СТАРШИЙ ЖАНДАРМ.

Жандарм. Молишься, баширская баща?

Юлей. Ага, ваше благородие...

Жандарм. Хотел бы бунтовать, сумни сини? Ой, желаний, ой, желаю... Нехристи! Но я, между прочим, не ваше благородие, а унтер-офицер, младший чин жандармской полиции, такой же подневольный человек, как и ты.

Юлей. Как ты Юляйку с собой равняешь? Нелзя. Юляйка обязан тебе бояться, ты старший жандарм на станции, а Юляйка — баширчик...

Жандарм. Теперь, Юлей, абсолютно неизвестно, кто кого должен бояться, потому что этот девятый пятый год во всех священных книгах страшными знаками обозначен. Дай господи, чтоб оно до нас не дошло. Ты ведь, дурак, мечтаешь бунтовать... Бунтуй, фонаричок! Порой бунт вашего брата, знаешь как!.. До самых костей и стальных жил. И за дело.

Юлей. Что ты, унтер... Кто смиреннее меня найдешь? Никого.

Жандарм (указывая на небо). Видишь? Нехорошее небо. Усадеб Миловидовых горит, теперь миллиону купца Братова подождать. Кому-кому, а вам, баширкам, плохо будет. Встретать я не рекомендую.

Юлей. Спасибо, господин Антропов. Кто меня, дурана, научит Никто.

Жандарм. Я с тобою, как с равным, карай... Будь здоров. (Уходит).

Юлей. Выслушайте всех переженем. Идет КОСТРОМИН и ТАСЯ.

Костромин. Доброе утро, Юлей Усманович, еще не спятею, а ты лампы гасишь.

Юлей. Ныне небо всю ночь горит. Видишь? Хорошее небо. Покидаешь нас, Гриша, большая жалость. Прямо в Петербург!

Костромин. Может быть, и поближе.

Юлей. В Уфу езжай, очень нужно тебе поехать в Уфу. Любим тебя, как сын на родного, однако нечего делать тебе на станции.

Юлей. Барышню слышите, Тася?

Юлей. Варошино вроде я не заметил. Мо почтенные, барышня. Вам не жалко Гришу проножать?

Тася. Жалко.

Юлей. Всем жалко. Где найдешь лучше? Нигде не найдешь. Прощайтесь, мешать не стану. Гриша, прощай. Юлей Усманов никогда тебя не позабудет. (Уходит).

Тася. Любит вас они все... ох, как любит!

Юлей. Прощай. (Уходит).

Тася (стремительно). Не могу слышать этого слова, ножом проходит по сердцу. Я терплю разум. Неспособна вообразить, что мы в самом деле прощаемся... быть может, навсегда прощаемся. Это чудовищно. Это все едино, что слепому дать увидеть ясный день на один какой-нибудь час и потом ослепить его снова навеки. Какая жестокость! Какая трагедия! Не верю. Что-то должно случиться... Быть может, я брошусь под поезд, и поезд застопорит, и герой моего несчастного романа скажится над мной бедной Лизой и не отдаст свою жизнь, всем обездоленным и несчастным, а вручит ее одной обездоленной, одной несчастной, которая любит его, как и могут любить все эти слепые существа в огромном пространстве тысячи и миллионы чужих нам людей. Вы скажете опять, что я декламирую. Да, декламирую на то, что окончила классическую гимназию. Но даже вас Максим Горький декламирует, а он вас восхищает. Только одна я не могу тронуть, не могу вызвать калли сострадания. Какая жестокость! Какая тоска! Гриша, останьтесь, милый мой Гриша.

Костромин. Я люблю вас, Тася.

Тася. Нет.

Костромин. Люблю, вы знаете.

Тася. Нет.

Костромин. Знаете и растревляете себя, помыслить о моем равнодушии. Не желая мыслить правде в глаза, вы заставляете свой взор выдуманной обидой.

Тася. Правда, правда... Правда в том, чтобы любить и жить.

Костромин. Правда в том, что я революционер, боевик, и остаюсь здесь в такое великое время, сделавшись же предателем. Даже неграмотный Юлей посылает меня в Уфу, где все кипит, где еще в мае стреляли в губернатора... Не Уфа, так Самара, не Самара, так Москва, ибо всюду кипит, всюду назревают грандиозные дни восстания. Посмотрите на эти бабровые облака. Вот моя жизнь.

Тася. В облаках?

Костромин. Тася, не заставляйте меня говорить колко. Но если вы не хотите понять меня, как следует, то я скажу вам, в каких облаках я живу. Вы теперь должны знать правду, как моя невеста. Должны знать правду, потому что пришла пора перейти на серьезный тон взрослых людей...

Тася. Говорите, я знаю, что это страшно... (Порыв). Невеста... Любимый мой... Говорите, теперь мне будет легче узнать от вас самую страшную правду.

Костромин. Студент-технолог, изгнанный из храма науки за некие неблагоприятные выходы нарстающего дома поступил. Двадцать три года. Однеступенчат демократичный, умеет делать любую работу, читает стихи и цитирует манифест Союза коммунистов наизусть. Дальше. Он называет сюда в гости к своей дальней родственнице Наталье Николаевне Пчелиной, служащей в качестве фельдшерицы в земской больнице святого Пантелеймона.

Карп. Голубица норданская, смотрят в плачу. Развратят эти жиды и дочерей наших. О. Навуходносоры. О, язычники вавилонские, развращающие алтари иерусалимские.

Дальний церковный зов.

Костромин. Слушайте, не паясничайте... у вас усы, борода, студио.

Карп (реальным тоном). А что я неправду говорю? Писатель Гончаров в романе «Обрыв» описал тебя. Вот она Бебра из «Обрыва», наэлектризованная тремя двойными элементами.

Тася. Ах, Карп, глупости ты говоришь.

Карп. Он — кто? Эсер или эсдек? Впрочем, напелтан. Я говорю о том, что сие символично, ежели человек душу свою стал определять мертвыми знаками. Сие отринуть.

Костромин. Послушайте, всем известно, как вы живете и чем занимаетесь.

Карп. Думаешь спорить буду? Не буду. Жину в пьянстве и афродитстве, промышленно сообразно уездных Саломей.

Костромин. Хуже, по-самому знаете, что хуже.

Карп. Знаю. Первый шарлатан в губернии по части пророчеств. Иногда сходитесь. Тем живу. И что из сего следует?

Костромин. Не вам о душах распространяться.

Карп. Просто говоришь, а ведь ты умней. Нет, глуже возьмю, что выйдеть? Вот был поп, носил бога живого в душе, исполнил свои поповские обязанности, и оттого был он вполне благопристойен.

Отрекся от бога живого, перестал исполнять свои поповские обязанности и стал отринуться. Отринуться вы от христианской морали, господи, и вообще нет у вас никакой морали. Оттого вы мне и отвратительны, что сам я без морали живу и знаю, что сие значит.

Тася. Гриша, у отца в окнах свет горит. Почему так рано? Что там случилось? Гриша, я домой побегу, а к поезду приду. (Уходит).

Карп. Беги, голубка. Ох, Тася, Тася... Впрочем, чему быть, того не минует. Вослед Навуходносору в святилельный храм и окснернат алтари народа господина.

Костромин. Не юрестуйте, Акафистов. Ваш сын тоже...

Карп. Какой сын? Пропойки, что ли? Негодий из негодиев. Мне неизвестно, какими знаками ты мечен, а он называется эсер... Неблагозвучное созвучие. Но он оттого угнетенных защищает, собирает, что сам ни в кулек, ни в рожду. Как он с тобою? Должен ненавидеть. Ты удался, он — нет. Ты — студент, а он — крапивное семя. Да к тому же у баб успеха не имеет. Негу у вас мораль!

Костромин. Не время спорить, но ваша мораль основана на эксплуатации человека человеком. Эту мораль мы уничтожим... Социализм вытеснит новую мораль в людях. Но прочтайте, Карп, уезжаю с курьерским.

Карп. Прощай. Аргус. Бюльс тахих... Глаза Аргуса, сила неумная и ум изыскательный... Ты дашь людям мораль! Погоди на миг, ты Юлюк моего без меня не воспитывай!

Костромин. По-моему, старший брат Юлей — образец земного совершенства.

Карп. Ох, дико это и опасно. Юляк у меня восторженней, дурная наследственность. Ну, прощай, студент, не сердись, в тоске живу, лью, не пьянея... тоже страшно, брат.

Костромин. Вот и Юля... Легко на помине. (Уходит).

Карп. Юля, ты что ни свет ни заря? Юлей. Я к заутрене пойду, батенька, а потом, как всегда, в буфете буду стоять.

Карп. Сынок, не таешь от меня. Ты ведь в храме не бываешь.

Юлей. Батенька, вы сами в храме не бываеи и не видите. Говорите с чужих слов, я молблю.

Карп. Ох, не то, сыночек, ох, не то... Танцуй, с отцом никогда не поговоришь...

Юлей. Нет, батенька... и не гладыте меня, и не маюпшнй уж. А вы застаете, да, заливши глаза, дома живете, об вас мне в мое горюченье? Да я один без вас и без нлого великолюбно время провожу. Кому сны снятся, а у меня они бываю в мечте.

Карп. Юля, бросяй к черту буфет, поедь в город прямо этим поездом.

Юлей. Доктором хотите меня казать, в сумасшедший дом заперт? Нет, батенька, и не думайте, не дамся. Я и плохое смогу над вами сделать. Ступайте по своим делам, а я пойду по своим.

Карп. Юля, по каким?

Юлей. Вам же сказано, — к заутрене. (Уходит).

Карп (одн). Идиот растет... Вот оно, возмездие. Одно дело в блуде рождение, — негодий вышел. Другое — в пьянстве, — безумный будет. (Слезы о сорле). Сын ты мой... дочка. Если бы не болезнь, какой отрон великолюпный.

Идет Ландышев, за ним Юлей с метлой.

Карп. С добрым утром, господин начальник станции. К курьерскому поднимайтесь или к заутрене?

Ландышев. Сын ваш изволил подняться с постели и объявить о начале забастовки по всей линии Самара—Златоуст. Впрочем, я и без того знал, что не сегодня-завтра начнется всероссийская железнодорожная забастовка... Вот она и началась. Правительство бездарно, народ озлоблен.

Юлей. Валентин Анатольевич, мне платформу подметать?

Ландышев. Понятия не имею... Поди спроси у господина Акафистова, с этой минуты он уже не старший телеграфист только, а председатель законового комитета. Я свою власть сложил. (Уходит).

Карп (дохочет). Интересно! Вот как оно начинается! Юлейка, что призадумался? Ставь метлу трубой. Отныне ты забастовщик, важнейшее лицо в государстве. Вот! «долгой самодержавие».

Юлей. Неужели правда? Антропов говорит, шибко пороть будет.

Карп. Пороть... обязательно будет. А ты как думал?

Юлей (сердито). Думал, думал... ничего не думал. Ждали... дождались, а делать нечего.

Идет старший жандарм, на ходу снимая шапку.

Карп. Слуга престола, ну что же? Селедку в воду, а сам на чердак?

Жандарм. Поп, не тревожь, твой сын велит поостережться. Чернь груба. (Уходит).

Карп. В человека я не верю, Юлей... не радостно мне. Должно быть, какое-то несчастье будет со мной. Ох, как душа болит. Как собака, завыл, был. (Уходит).

Юлей. Все уж и так, никуда и не делай нас... как быть бедному человеку?

Акафистов (издали). Юлей, звони приятные курьерское. Платформы не мети, пусть видят, что забастовка. (Уходит).

Юлей (звонит). Неужели ничего не будет?...

Конец первой картины

Па этот раз — 26 июля — на сцене Большого театра выступали гости столицы. Артисты Новосибирского, Владивостокского, Сталинградского театров, гастролирующих в Москве с большим успехом, показали отрывки из своих лучших спектаклей, исполнили арии из классических опер русских и западных композиторов. Открылся концерт песней Бабаджанья «Дружба знамена» — выше, спетый объединенным хором театров Новосибирска и Сталинграда. Выступил в концерте Сибирский русский народный хор, руководимый В. Левантовым.

Далек в прошлое ушло само понятие «этнографическое искусство», концерт в Большом театре еще раз показал, сколь необходимо богата талантами наша страна, какой высоты достигла художественная культура советского народа.

Он очень радостно было, что в этот вечер вместе с советскими артистами на сцену Большого театра вышли наши гости из Федеративной Народной Республики Югославии: во втором отделении концерта показали свое замечательное искусство прибалтийский в Советский Союз из Белграда ансамбль народных танцев «Коло».

В песне и танце выражается душа народа, его характер. Вот почему мы так любили свои танцевальные ансамбли и хоры и с живым, горячим интересом встречали артистов других стран. Смотрите танцы Югославии, слушайте песни и музыку, и чувствуете... словно ближе познакомился с народами Республики, познал их любовь к своей родине, горячий темперамент, душевную красоту.

Трудно сказать, что самое лучшее в программе ансамбля «Коло». Танцы Сербии, Боснии и Герцеговины, Македония, песни Хорватии так различны, своеобразны, в них так ясно ощущается народная основа, что каждый танец или песня вызывает чувство новой радости и благодарности артистам за эту радость. Но вот какое ощущение вызвал первый же номер — сербские танцы в постановке художественного руководителя ансамбля Ольги Сковран: будто эти девушки и юноши в национальных костюмах танцуют вовсе не на сцене, не перед тысячами зрителей, а у себя в горах, в вечернюю пору, после работы. Танцы порой перебегаются элементами народной игры, и это лишь подчеркивает их непринужденность; но вместе с тем за этой непринужденностью, скромностью и сдержанностью танца мы чувствуем высокий артистизм, отточенную технику, полное слияние движения и музыки.

А затем звучит необычайно глубокая в своей грусти народная хорватская песня, вызывает у зрителей люлююще веселье «Перелаз нарней из Баната» (постановка Добривое Пунтика), захватывает своей драматической напряженностью танец македонских народных мастителей — комитов, поставленный Мирой Саниной. В этом танце раскрывается против захватчиков; и вместе с тем перед нами словно сменяются кадры разделки, наступления, столкновения с врагом, победы. Напряженный, тревожащий ритм этого мужественного танца выведен не только в очень высоком пластическом искусстве артистов, но и в музыке, где на этот раз решающее слово принадлежит большому барабану.

Оркестр (руководитель Жарко Миланович), который расположился здесь же на сцене, а иногда и среди танцоров, занимает очень большое место в искусстве ансамбля. Как будто и не много в нем инструментов, а в каждом танце он звучит по-новому и удивляет богатством и разнообразием музыки.

Но вот танец исполняется без музыки. Это — «Старое Боснийское немое коло», поставленное О. Сковран. И что за чудо! мы будто и не чувствуем отсутствия музыкального сопровождения — настолько тонно и выразительно передается постоянно сменяющийся ритм танца мягким шлепетом, а иногда дробным стуком ног, звоном украшений на женских костюмах. Танец пары в своем стремительном, быстром движении, требующем от артистов огромной энергии и тренировки. Нездаром говорят в народе, что юноши в этом танце испытывают выносливость своих девушек...

Ярко, самобытно, полно народное искусство показало нам ансамбль «Коло». Переполненный огромный зал Большого театра горячо приветствовал за него гостей. И в аплодисментах, которые неслись из зала на сцену и со сцены в зал, скалались добрые, дружественные чувства советского и югославского народов.

А. АНАСТАСЬЕВ

Встреча со словачским писателем К. Томашичком

Гостящий в СССР словачский писатель Кароль Томашичек встретился на днях в иностранной комиссии Союза писателей СССР с переводчицей и специалистом по чехословацкой литературе К. Томашичек рассказал о литературной жизни Словакии, поделился своими творческими планами, в частности рассказал о готовящемся к печати своем новом романе «На берегу Влтавы». Отрывок из этого романа был прочтен на словачском языке.

Писатель передал иностранной комиссии свои книги, а также портрет Юлиуса Фучика работы художника М. Швабинского.

В степи под Херсоном

Памяти Мих. Голодного

Недавно я был под Херсоном и эволюция дивилась судьбе: Там травы на поле бессонно шумят до сих пор о тебе.

Давно коммунистами стали твои комсомольцы, поэт! Чекисты над выплывающей ступой По двадцать работают лет;

Слышавшие с Щорсом солдаты, Блужные припояма боя, Обиably, в честь памятной даты, Стихи запевают тобой;

Днепровские парни, бывало, Герои войны и труда, В Москву приезжал, с вокзала Звонили поэту всегда...

Не кратким звоном телефонным Ты связан с героем своим, — Курган, в степи под Херсоном, Прославлен поэтом живым.

Шумят приднепровские травы, И чудится мне — на Болшах, Овеяный песнями словы, Выходит матрос Железняк.

М. Шехтер

денности СССР. Здесь между ним и работниками министерства произошел следующий разговор:
— Скажите, пожалуйста, как обстоит дело с бумагой для подписных изданий?
Я. Балмасов — начальник Главбухсбыта: Плохо! Мы комбинаты не отгружаем бумаги.

— Почему?

Я. Балмасов: Не хватает древесины. Поговорите с начальником Главлесахоза, он вам объяснит.

С. Комаров — начальник Главлесахоза: Действительно, дело обстоит довольно плохо. В этом году был поздний весенний лесоспас. Из-за этого-то и остались бумажные комбинаты без древесины. Но сейчас положение заметно улучшается. В третьем квартале Гослитиздат получит свою бумагу для подписных изданий.

— А задолженность за первое полугодие?

С. Комаров: Задолженность? Никогда! Я говорил лишь о норме третьего квартала.

Наш корреспондент не стал вдаваться в подробности, почему бумажные комбинаты не обеспечены аварийным запасом древесины. Было ясно: многие десятки книг не дойдут в этом году до читателей из-за срыва поставок бумаги.

Но только ли по этой причине? Вернемся в Гослитиздат. Читателям были обещаны в этом году два тома нового собрания сочинений В. Маяковского. Первый том еще не подписан к печати. Выпуск собрания сочинений Байлака был рассчитан на три года (1951—1953), а вышла сейчас только тринадцатая книга. Недавно стал рассылаться подписникам заключительный том сочинений Драйзера — с опозданием на три года.

Никаких затруднений с бумагой не испытывает Издательство Академии наук СССР. И все же в восьмидесятом собрании сочинений Докучаева, рассчитанном на два года, выходит седьмой год. «Словарь современного русского литературного языка» в 15 томах издается с 1950 года; за пять лет вышло... три тома. При таких темпах последний том мы увидим через 20 лет. Такое же положение с собранием сочинений Дарвина, издающимся... третье десятилетие!

Наша печать не раз критиковала издательства за невыполнение планов выпуска подписных изданий. Мы хотим еще раз напомнить издательствам об их обязательствах перед подписчиками.

ШКОЛЬНАЯ ПАРТА

Как правило, во многих школах парты совершенно не соответствуют росту детей. Ученики 14—16 лет сидят за партами, рассчитанными на детей 10—12 лет. Вот где кроется причина появления сутулости и близорукости. Надо подумать о создании нового типа парты.

Б. АКУ М. МАРЮСЯН

Репортаж по этому письму (а таких писем редакция получала несколько) отнял у нашего корреспондента немного времени. В Министерстве просвещения РСФСР, которое он посетил, вполне довольны парти, за которыми сидят наши дети, хотя создана она волею судьбы лет назад. Впрочем, начальник Главного управления школ Н. Наумов согласен, что пора подумать о новых образцах парты. Пока же министерство совместно с органами здравоохранения ограничивается разработкой инструкции о соблюдении санитарно-гигиенического режима в школах, в которой сказано, что ученики должны сидеть за партами, соответствующими росту! При двусмысленных занятиях, требует инструкция, надо размещать в одном классе учащихся смежных возрастов. Но все горе в том, что редкая школа имеет комплект парт нужных размеров. Директор 510-й московской школы А. Жерсебов в связи с этим считает, что школы сами должны организовать между собой широкий обмен партами: большие — на малые, малые — на средние и т. д. Но почему-то, как правило, в школах больше парт для младшеклассников.

Педагоги московских школ, с которыми беседовал наш корреспондент, подтверждают,

что у них не хватает парт для старших классов. По этому редко кто и думает о необходимости создать парту нового типа — до нее ли! При таком положении инструкция министерства звучит странно.

Между тем, как установила наш корреспондент, существует приказ министра просвещения РСФСР, в котором предлагается начать производство новых, усовершенствованных парт на деревенской и на металлической основе. В их поисках корреспондент обошел многие организации, пока не нашел в одном из кабинетов Научно-исследовательского института физического воспитания и школьной гигиены две парты, о которых говорилось в приказе министра просвещения. Одна из них — та же старая парта, у нее уменьшена лишь горизонтальная часть крышки стола, изменено расстояние между спинкой и столом и установлен лоток без чернышкив. Другая парта такого же образца — на металлической основе. Они стояли рядом, забытые, чуть покрытые пылью, как свидетельство многолетнего и кропотливого труда сотрудников института.

— Эти образцы утверждены как государственные стандарты, — сообщила старший научный сотрудник М. Антропова.

Институт разработал чертежи, передал их министерству и на этом успокоился.

Не кажется ли органам просвещения, что наступило время серьезно заняться проблемой парты — и старой и нового образца.

ОБРАТНЫЙ БИЛЕТ

Сколько времени и нервов тратят командированные, отпускиники, курортники на приобретение железнодорожных билетов. Дело сразу облегчилось бы, если бы можно было сразу купить билеты в оба конца.

ЛЕНИНГРАД Н. АЛЕКСАНДРОВ инженер

В письме Н. Александрова затронут вопрос, волнующий многих людей, в особенности летом, когда ежедневно пассажирские поезда перевозят около семи миллионов человек.

Наши корреспонденты побывали на нескольких московских вокзалах, и всюду работники транспорта утверждали, что вопрос о продаже обратных билетов давно назрел. Кое-что, правда, известно, в этом отношении сделано. Так, около года назад, по инициативе работников Белорусского вокзала столицы, пассажиры, едущие из Смоленска и Гомеая в Москву, получили возможность закупить билеты в оба конца. Волею того, обратный билет в Москву до Смоленска и Гомеая можно приобрести в вагоне у кассиров, специально выделенных на линии, чтобы обслужить пассажиров.

— Нам удалось благодаря этому, — рассказывает начальник Белорусского вокзала П. Серяжин, — быстро ликвидировать очередь из железнодорожных касс гомельского и смоленского направлений.

К сожалению, он не смог назвать на Белорусской железной дороге ни одного другого пункта, где был бы повторен этот, так хорошо оправдавший себя, опыт.

Примерно с весны нынешнего года эти инициативы подхватили транспортники некоторых других железных дорог. Сейчас пассажиры могут купить билеты в оба конца при поездке из Москвы в Ленинград, Калугу, Кострому, Иваново, Вологду, Ярославль, Орел, Архангельск, примерно в два десятка городов.

— А между тем просьба о продаже обратных билетов поступают из многих отделений пунктов страны, — говорит начальник Ярославского вокзала И. Константинов. — Общедневная выгода от этого новшества совершенно очевидна: пассажиры избавляются от необходимости тратить время на приобретение обратного билета, а это, в свою очередь, облегчает работу наших железнодорожных касс.

Об этом говорят и пассажиры Курского вокзала В. Горденико, где недавно в виде опыта введена продажа обратных билетов с конечных станций некоторых пассажирских поездов.

— Для начала, — заявил он, — мы взяли три направления: на Сочи, Kisловодск и Симферополь.

Опыт продажи обратных билетов всюду встречает горячее одобрение пассажиров. В. Горденико, как и другие железнодорожники, с которыми беседовал наш корреспондент, считает, что трудности, возникающие в этом новом деле, преодолены. Не решается проблема обратного билета теперь уже следует централизовать. Так, до сих пор еще на всех вокзалах, кроме Курского, обратный билет продается на срок не более десяти дней. С другой стороны, при широком развитии продажи обратных билетов надо разрешить проблемы, касающиеся взаимоотношений как между отдельными железнодорожными дорогами, так и их станциями. Возникают и другие организационные вопросы, требующие своего разрешения.

Первый опыт показывает, что у обратного билета большая будущность. Министерству путей сообщения СССР следовало бы более широко распространить это нужное и полезное дело.

К 100-летию выхода первой книги „Полярная звезда“

В эти дни отмечается столетие со дня выхода в свет первой книги «Полярная звезда» А. Герцена. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина открыла книжную выставку в ознаменование этого выдающегося события в истории отечественной культуры. Выставлены различные номера еженедельника, в том числе первая книга с изображением профилей пяти казненных декабристов.

Представленные на выставке книги рассказывают о роли «Полярной звезды» в воспитании революционного поколения, проинициативное смелостью стремлений, горячей заинтересованностью в судьбах родины. Здесь впервые опубликованы письмо Белин-

СКОЛЬЗЯ ПО ПОВЕРХНОСТИ

Верность правде жизни, глубокое изображение действительности — вот что требует от писателя. В живых, запоминающихся образах должны вырисовываться герои эпохи, писатели, показывая героизм советских людей, величие их дела, разоблачая буржуазные пережитки, мешающие нам, творческим людям двигаться вперед. Тем досаднее встречать произведения, в которых автор, скользая по поверхности жизни, дает, быть может, и правдоподобную в частностях, но не раскрывающую закономерностей действительности, далекую от подлинной правды картину. Писатель в этом случае отступает от метода социалистического реализма, не используя его богатых и многосторонних возможностей.

К сожалению, и сейчас еще появляются такие произведения — серия, художественно неубедительные, искаженно показывающие нашу жизнь.

«Пыль» — так озаглавлен большой рассказ П. Сикемэ, занимающий 50 страниц в мартовском номере эстонского литературного журнала «Ломинг».

О чем говорится в рассказе П. Сикемэ? Сюжет его неадекватен. В городе — много пыли, улицы не поливаются. Слесарь одного из заводов Юри Вислаулу идет в доуправление — узнать, почему не выполняется решение горисполкома о поливке улиц. Но в доуправлении сидят бюрократы, которые встречают его насмешливо и враждебно: кто он такой, чтобы добиваться выполнения каких-то решений? К тому же и планов нет. Тогда Юри идет в горисполком, но и там — те же равнодушные отношение к бытовым нуждам людей. Долго и упорно препирается Юри с бюрократами, пытается добиться того, чтобы председатель горисполкома, наконец, договорился с Министерством коммунального хозяйства о присылке планов...

С первых страниц читатель становится ясным второй, главный план произведения: пыль — это своего рода символ пережитков прошлого, которые превращают их из ответственных работников в равнодушных чиновников, далеких от нужд народа.

Обличение бюрократизма — дело серьезное и важное. И можно только приветствовать попытки писателя разоблачать его, вызывая у читателя ненависть к пережиткам прошлого.

Но, претендуя на смелое обличение, рассказ «Пыль» на самом деле имеет качество не обладает. Рассказ «Пыль» — произведение явно смелое, ибо в нем нет глубокого проникновения в суть обличаемых явлений. Замысел П. Сикемэ остался невыполненным, рассказ удаляет своей идейно-художественной поверхностностью, неподлинностью.

Прежде всего, как раскрывается в рассказе характер главного положительного героя произведения — Юри? Кто такой Юри Вислаулу, олицетворяющий, по мысли автора, передовых наших людей, активных борцов, непримиримых ко всякому рода недостаткам. Вислаулу, который сам себя так часто и упорно аттестует представителем «простых людей», человеком «из народа»? Вот как выписывается его характер уже на первой странице рассказа: «Порой у него возникает просто-таки физическая потребность, браться и сыпать проклятиями. Юри очень хорошо знает, что он весьма часто ругается и смеется, знает он также и то, что он зачастую просто ворчит и брызжит. Но по-другому нельзя — такая уж жизнь, на каждом шагу встречаешь беспомощность и тупицу, халатность и неграмотность, знайство и маломыслие, а также и черт знает что еще, что хмурит твоё лицо и раздражает до глубины души».

С Юри было так. Приходишь по утрам на работу и первым делом — начался браниться. С бранью Юри уже свыкся. На улице его всегда могла кто-нибудь расквитаться. Облегчение трупы были скользкими, то летний ветер поднимал тучи пыли, то недостаточно было уличное

Март РАУД

освещение, то лавенья оказывалась разрушенной, то какой-нибудь караул чуть не сбивал его с ног.

И вот такой раздражительный, брызжащий человек, который с одинаковым «сноготворением» относится и к тому, что заломлен заводской двор, и к тому, что подода стоит наждак — такой Юри, по воле автора, выстает представителем народа, единственно последовательным борцом против бюрократизма. Читатель в это трудно поверить: образ Юри предстает расплывчатым, двойственным. Непонятно, кто он — брызжащий обыватель или борец за правду?

Автор настойчиво подчеркивает, что Юри — рабочий, бывший фронтовик, человек активный, много раз декларирует его «любовь к труду». Но все это лишь внешние этикетки, атрибуции. Логика самого рассказа, самого характера героя не убеждает читателя в том, что для Юри борьба против бюрократических действий — это есть дело, граждански осознанное. С большим основанием это можно рассматривать как еще одно очередное проявление его раздражительного характера. Юри — такой, каким он дан в повести, — неискренний, ограниченный человек, не может поладить собою с переживанием советских людей, наших «простых», «маленьких» людей, о которых Горький говорил, как о великих людях, творцах великих работ.

Реалистическое изображение человека предполагает полноту раскрытия его душевного мира. А вот о чем Юри думает, к чему стремится, чем интересуется, что у него «за душой», — ничего этого читатель не знает. Пыль не проницаема, и надо добиться, чтобы улицы поливались, — этим самым по себе, конечно, неплохим стремлением и искренностью все «заирисую» Юри.

Угрюмом одиночкой проходит Юри через рассказ, не пытаясь найти опору в коллективе. Так и не смог он разобраться в причинах безобразий, не смог понять противоположность бюрократизма принципам нашего строя. Хотел того П. Сикемэ или не хотел, — мы думаем, что не хотел, — но получилось у него, что все «значительные» являются бюрократами просто потому, что у них руководящая должность. Такое противопоставление, выражающееся в рассказе чуть ли не до степени принципиального обобщения, неверно, ошибочно, оно характерно не для образа мыслей человека, глубоко и по-граждански сознательно думающего, а именно для обывателя, растерявшегося перед конкретным проявлением бюрократизма.

Но допустить, что П. Сикемэ и не стремился создать многогранный, впечатляющий образ положительного героя. Его главная цель — сатирическое изображение теневых сторон нашего сегодняшнего дня для того, чтобы воспитать нетерпимость к тем, кто мешают нашему движению вперед. Нечего и говорить, как благородна и важна эта задача, задача, на которую не раз указывала советская литература нашей партии. Как же справился с ней П. Сикемэ?

Автор хочет вынести осуждающий приговор «пыли» — бюрократизму, карьеризму и равнодушию некоторых работников, которые не служат народу, а заботятся лишь о том, как бы подольше оставаться на своих постах. Они могут заниматься, полагает П. Сикемэ, и скромную должность домоуправителя и ответственный пост председателя горисполкома.

Но — страшное дело! — зло оказывается чем-то привычным, никто по-настоящему, по-серьезному с ним не борется, в рассказе господствует нарочито унылая интонация: так было, так в общем-то и останется, — будут шланги, улицы будут поливаться, но ведь и домоуправитель и предгорисполкома останутся теми же, на тех же постах, такими же уверенными в себе и сильными. И не

поймешь: то ли Юри одержал победу, то ли его просьбу выполнили, чтобы отказать от позолотившего прохвоста... По изображению недостатков в произведении П. Сикемэ не стало обличением в подлинном смысле этого слова, превратившись во многое в простое перечисление и размазывание недостатков. Это оказывается нравственно непоколебленным.

Действительно, пыльность и воровство, бездушие и чванство — пыль. Но пыль, от которой мы в трудной и напряженной борьбе очищаемся. А в рассказе П. Сикемэ пыль переживает прошлое, приобретает грандиозные масштабы: «от пыли нет никакого спасения», «страшное засилье пыли», «город находится во власти пыли», «городские учреждения — страшные гнезда пыли» и т. д. У читателя создается впечатление, что все погребено под пылью и нет спасения от нее. Но так ли страшен черт, как его малет автор рассказа «Пыль»? Как бы глубоко порой ни проникла вредная пыль, ее обнаруживают, с ней ведут борьбу, — это закон нашей жизни.

Небрежная, несущая явные следы спешности форма рассказа особенно очевидно выявляет незрелость, неграмотность в решении основной идейной проблемы. Перед автором стояла задача: показать реальную картину борьбы со старым. Как бы ни была трудна эта борьба, как бы ни были хитры и изворотливы те, кто цепляется за прошлое, они рано или поздно попадают на суд общественности. Художнику только тогда удастся нарисовать подлинную картину борьбы с пережитками прошлого, только тогда его сатира достигает цели, когда он критикует с правильных и четких идейных позиций, когда он, обличая, стремится утвердить наш идеал. Таково ясное понимание диалектики борьбы нового и старого не обнаружил автор рассказа «Пыль». И в соответствии с этим вместо полнокровных, реальных типов носителей старого, образов, которые именно своей художественной конкретностью, реалистической убедительностью воспитывают читателя, узнают его, распознавать хитрости и маскировку современных бюрократов, — условное обозначение зла, образы-схемы. Читателю остаются неясными не те мотивы, которыми руководствуются в своем поведении грубиян-домоуправ или бюрократ-председатель горисполкома, ни методы их маскировки, ни, тем более, причины, порождающие эти отрицательные явления. И не случайно в рассказе нет действия, организованного сюжета; по существу, рассказ представляет собой беспрерывный диалог, невыразительный, скучно-дидактический, не раскрывающий характеров персонажей.

Можно выписать целыми страницами выдержки, малопривлекательные диалоги Юри — с секретаршей, не пускающей его к председателю, с домоуправом, с фронтовым другом Рейном Лехтмаа. Но мы не будем их выписывать — слышном очевидно художественная примитивность рассказа, автор которого не поработал глубоко и тщательно над собранным материалом, поспешив выпустить произведение незрелое, сырое.

Нужно ли было печатать этот рассказ? Конечно, нет. И в том, что он был так поспешно опубликован, виноват, конечно, не кто иной, как главный редактор журнала «Ломинг» И. Сикемэ, который, нарушив все традиции, не посоветовавшись с членами редколлегии, не высудив их мнения о своем произведении.

Советские писатели, вооруженные передовым мировоззрением, опирающиеся на богатейший и разнообразный опыт литературы социалистического реализма, должны знать и видеть, что в нашей жизни есть еще немало плохого, против чего надо бороться со всей силой реалистического искусства, мощью и точностью сатиры. И только глубокое изучение жизни, совершенствование писательского мастерства помогут нам, писателям, вести эту борьбу по-настоящему успешно.

г. ТАЛЛИН

Вот это для детей!

Коротычки сорвали воздушный шар и отпрыгали и улетели в сторону.

Вдруг — авария! Шар падает, и коротышки оказываются в городе, где живут исключительно коротышки-девочки (прилетели на шаре, конечно, коротышки-мальчишки).

Так как при ударе о землю...
— Пойдите, — слышим мы голос читающих рецензию, — пойдите, что за коротышки? Это что же, какие-то карлики?
— Нет, самые обыкновенные дети!
— Дети? А почему коротышки?
— Ну потому что крохотные?
— Да вот крохотные-то почему?
— Ну это потому, что...

Верно, почему? Смотрите-ка, мы не задумались над этим! И в самом деле, если они обыкновенные дети, то почему же они такие крохотные? Мы видим их пацаны! Нет! Смотря на них в обратную сторону бинокля? Нет! Так почему же? Да просто потому, что они живут в сказке!

Итак, хоть при ударе о землю никто, кроме охотника Пульки, и не пострадал, серобельные коротышки с косичками решили все же, что без болыньки не обойтись. Да, да, нужно воздушного лаванта в болыньку и ачить! В сероболыньку ли только дело? Еще искупились девочки, намест автор, как бы коротышки-мальчишки, очитившись именно среди девочек, не чересчур уж стали проявлять свой воинственный дух — сохранив всецело чванство, бить стекла и т. п. Нет, уж лучше пока что держать их в четырех стенах!

Избежать болыньки удалось только коротышке Незнайке. Вот его портрет, данный автором:

«Этот Незнайка носил яркую голубую шляпу, желтые, канареечные, брюки и оранжевую рубашку с зеленым галстуком. Он вообще любил яркие краски. Нарядившись таким понагуст, Незнайка по целым дням слонялся по городу, сочинял разные небывали и всем рассказывал».

Вот и вышел, что все под присмотром, а самый опасный — вот он!

Воспользовавшись тем, что истинный конструктор шара и проводитель коротышек, как раз Знайка, где-то запропастился (поскольку прыгнул с парашютом над незвестной местностью), наш герой вылетел себя и за конструктора и за проводителя. Какой там Знайка! Никакой не Знайка, а он главный, он!

Девочки видят Незнайку насквозь. Но они скромны. Еще сдерживают и страх перед известным забойкой... Да и признаться, он очень обаятелен, забойка!

И вот когда ложь и могущество Незнайки достигают вершин, появляется тот, Знайка!

Приветствуемый вышшими к тому времени из болыньки коротышками, строгий, в очках, шестует Знайка по городу. Девочки несколько смущены: вот оно, настоящее обаяние — обаяние ума! Как могли они поддаваться тому, сомнительному? Сворачивает обход Знайка города. Девочки показывают ему водопровод, сооруженный из тростниковых трубок, показывая мост, сплетенный из стеблей зла... Показывают Знайке также внутренность домов, о том все в образцовом порядке, все блестяще чистое, все свежо, прибрано! То и дело вынимает Знайка записную книжку и что-то записывает... Девочки в восторге: еще бы, знаменитый путешественник, как видно, не прочь поучиться и у них! А что же Незнайка?

Незнайка спрятался в... Ну как бы думаете, в чем он спрятался?
В зарослях одуванчиков!

При попытке высунуть голову, товарищи onslaught его насмешками: он и врут, он и хвастует, он и трусит...
Ну ждали так и останутся посрамленным!

Н. Носов, «Приключения Незнайки и его друзей». Повесть. Детгиз. 1954. 168 стр.

Начало рабочего пути

Димка Гордеев, герой повести Михаила Шургина «Начало рабочего пути» (Советский писатель, Л. 1955. 174 стр.), только что закончил ремесленное училище со званием токаря-универсала четвертого разряда. Он мечтает о работе в компрессорном цехе и о полной самостоятельности. Но жизнь жестоко нарушает его планы, и Димка попадает в маленький механический цех, где работает токарем его собственная мать. Начало рабочего пути получалось у него, как обычно, и у многих других подростков, но особенно веселым и легким. Слаником самонадеянным, он спорится с матерью, бунтует против ее «опеки», он выбирает себе неважного друга — хвастуна и лодыря Васюку Кошкина; нехорошо поначалу складываются у Димы отношения с товарищами; немало трудностей встречает герой по пути и в своей работе... Однако постепенно, как водится, все налаживается, и Димка начинает чувствовать себя подлинным членом рабочей семьи, патриотом своего цеха.

Описано все это в повести очень просто, с хорошим юмором, с большим знанием юношеского психологии. Несколько фальшиво только звучат поучающие сентенции, которые Димка высказывает своему брату и легко расклевывается другу Васе: «Я буду дружить с тобой поперекую, но сmother-ни. Если еще раз услышу, как ты хвастаешься, или увижу, что станок поверкаешь, тогда подады от меня тебе будет!».

Эта невольная дань «лакировочным» традициям может только испортить правдивую повесть.

И. П.

Описано все это в повести очень просто, с хорошим юмором, с большим знанием юношеского психологии. Несколько фальшиво только звучат поучающие сентенции, которые Димка высказывает своему брату и легко расклевывается другу Васе: «Я буду дружить с тобой поперекую, но сmother-ни. Если еще раз услышу, как ты хвастаешься, или увижу, что станок поверкаешь, тогда подады от меня тебе будет!».

Эта невольная дань «лакировочным» традициям может только испортить правдивую повесть.

Труженики моря

Есть всегда что-то раполагающее в книге, автор которой был очевидцем описываемых событий. Подкупают и достоверность пережитого и подлинность жизненного материала. Этим качеством отличается с первых же страниц повесть Владимира Дубровского «На фарватере Севастополя» (Крымыдат. 1955. 160 стр.).

Книга эта — правдивый репортаж о героической обороне Севастополя в 1941—1942 гг. — выливает доброе к себе отношение верно переданной атмосферой тех незабываемых дней. Автор воскрешает страницы недавнего прошлого, славные дела защитников города-героя. Тут прославился и отважные экипажи траулера и катеров-охотников. Об этих неутомимых тружениках моря и рассказывает автор.

К сожалению, впечатление от книги — первого произведения В. Дубровского — ослабеваает, как только автор начинает «сбавлять с курса». Стремясь сделать повествование многоплановым, он нарушает последовательность рассказа от первого лица, берется за описание событий, о которых знает понаслышке, а порой излагает и то, чему не было свидетелем. Недостаток индивидуальный и общераспространенный, славные дела защитников города-героя. Тут прославился и отважные экипажи траулера и катеров-охотников. Об этих неутомимых тружениках моря и рассказывает автор.

Стремясь сделать повествование многоплановым, он нарушает последовательность рассказа от первого лица, берется за описание событий, о которых знает понаслышке, а порой излагает и то, чему не было свидетелем. Недостаток индивидуальный и общераспространенный, славные дела защитников города-героя. Тут прославился и отважные экипажи траулера и катеров-охотников. Об этих неутомимых тружениках моря и рассказывает автор.

Вот только стоило ли соединять с этим на редкость юным детским повествованием «взрослую» сатиру? Сам по себе остроумный портрет писателя с его буржуазным непонятием, кажется нам, детским... Или «трафаретный» художник Тобяка?

Каждое дело юному читателю до наших узкопрофессиональных недостатков? Когда они вырастут, этих недостатков, напомним, уже не будет... Книга очень хорошо иллюстрирована художником А. Лепетухом. Оценкам ее легкость, ее радостный, летний, мы бы сказали, полевой колорит.

Юрий ОЛЕША

И все же чувство слова, художественное восприятие действительности, бесспорно, свойственны В. Дубровскому. Вот почему хочется пожелать автору, участнику обороны Севастополя, человеку с богатым жизненным опытом, продолжить литературную работу.

К. Е.

Литературные памятники

Эти скромно изданные, небольшие по объему книги скажут чуткому читателю каждому сердцу не меньше, чем говорят каждому умственному человеку. В прошлом году Воронежское областное издательство выпустило роман расказов, очерков и писем Николая Романского «Единство». Недавно там же опубликованы избранные произведения Бориса Пескова «Годовые кольца».

У обеих книжек знаменательная судьба — их второе издание вышло в свет ко дню десятилетия гибели их авторов, писателя-фронтовика Из перелых очерков и расказов, написанных еще неокрепшей рукой, из фронтовых записей уже опытных журналистов четко вырисовывается облик двух талантливых литераторов, чьи лучшие задумки и идеи оттаяли у нас в войне. Романский и Песков, насколько ни успели собрать и как-то систематизировать то немалое, что они написали. Это сделали их друзья, литераторы Воронежца. Читатель найдет в этих «Сборниках» и волнующие документы эпохи, неповторимые страницы в биографии целого поколения нашей молодежи — личные письма и дневники героически погибших писателей.

Хорошее, благодарное дело предприятия воронежские писательская организация.

В. С.

С. МАШИНСКИЙ

Монография о творчестве Гоголя

Когда незадолго до своей смерти Гоголь узнал о распространении его недругами слухов, будто бы он собирается отказаться «от звания писателя», он с возмущением назвал эти слухи «негодностью» и высказал замечательную мысль: «Умереть с пеньем на устах — одна ли не таков неотрапимый долг для поэта, как для воина умереть с оружием в руках».

Сравнение поэта с воином глубоко символично для автора «Ревизора» и «Мертвых душ». И пусть это сравнение сделано в трудную для Гоголя пору, когда он только начинал приходить в себя после пережитой, но окончательно так и не преодоленной духовной драмы, — оно тем более значительно и выражает в себе самую суть творчества подвига, совершенного великим писателем.

Никогда еще до Гоголя художественное слово не обладало такой колоссальной обличительной силой и вместе с тем такой поразительной глубиной поэтического проникновения в самые тайники жизни. Вот почему к его творчеству было приковано внимание всех передовой России. Белинский и Герцен, Чернышевский и Добролюбов не только раскрыли идейное богатство и поэтическое своеобразие произведений Гоголя, но и поставили на их материале эстетические вопросы, решение которых было жизненно важным для судьбы всей русской литературы.

Подобный метод исследования — один из тех законов, которые оставлены нашему литературоведению революционно-демократической критикой.

Недавно вышедшая монография М. Храпченко является своего рода итогом многолетнего изучения советским литературоведением творчества Гоголя. Нужда в такой книге давно назрела. После разоблачения формалистических и вульгарно-социологических фальсификаций творчества Гоголя появилось много работ, в которых по-новому ставились различные проблемы гоголевского творчества.

М. Б. Храпченко, «Творчество Гоголя». Издательство Академии наук СССР, М. 1954. 626 стр.

доголевского творчества. На основе архивных исследований получили новое освещение некоторые существенные стороны биографии писателя. Наконец, за это время было завершено издание академического полного собрания сочинений Гоголя, которое при всех своих недостатках обладало тем немаловажным достоинством, что оно расширяло наше представление о текстовом фонде писателя, включив в себя неизвестные ранее произведения — художественные (фрагменты) и публицистические.

Все это необходимо было обобщить, подытожить, теоретически осмыслить и вместе с тем наметить пути дальнейшего изучения великого писателя, творчество которого занимает столь важные, ключевые позиции в развитии русской литературы XIX века.

Таковы были задачи, стоявшие перед автором монографии.

Мне кажется, что многие из них М. Храпченко выполнил успешно. Книга его является плодом большого, тщательного труда. Кропотливо исследована в ней почти вся художественная и многое из публицистического и эпистолярного наследия писателя. Излагая творческую историю того или иного произведения, автор вовлекает в сферу анализа различные его редакции и варианты, причем кое-что в них прочтено по-новому. Широко использованы материалы современной, соответствующая историческая литература. Произведения Гоголя рассматриваются в органической связи с той острой идейной борьбой, которую они вокруг себя вызвали. Словом, книга имеет добротную научную основу, свидетельствующую не только о широте ее замысла, но и об усилиях, затраченных на ее осуществление.

Книга рисует в целом правильную картину художественной эволюции Гоголя. Подробно анализируются его важнейшие произведения с точки зрения их идейной проблематики и художественной своеобразия. В этом анализе есть свежее и ин-

тересные наблюдения. Следует, в частности, отметить верную и хорошо аргументированную мысль о стелвом многообразии «Вечера на хуторе близ Диканьки», послуживших истоком развития различных художественных тенденций творчества Гоголя. Содержательна глава о петербургских повестях, в которой автор исследованно вскрывает связь этих произведений с существенными особенностями эстетического воззрения писателя. Интересные наблюдения читатель найдет в двух центральных главах, посвященных «Мертвым душам».

Много места уделено в книге анализу мастерства Гоголя, своеобразия его поэтического видения мира. Страницы, посвященные этой теме, являются серьезной удачей исследователя. Работа М. Храпченко обогащает наше представление о стилистических приемах и художественно-образных средствах, которые использует писатель в тех или иных произведениях. И что особенно важно, художественное мастерство Гоголя прослежено в развитии, в тесной связи с идейной эволюцией писателя, причем это сделано на большом фактическом материале, очень наглядно, убедительно.

Анализ творчества Гоголя хорошо обобщен в короткой но содержательной и энергично написанной главе «Реалистический метод». «Критический реализм Гоголя — это реализм бесстрашного проникновения в сущность социальных явлений, за внешним, фальшивым, мнимым писатель раскрывает подлинные тенденции действительности», — этот вывод звучит в книге не декларативно, но как конкретный, научно обоснованный итог глубокого исследования всего творческого пути гениального художника.

Достоинство работы М. Храпченко состоит в том, что проблемы творчества Гоголя рассматриваются в ней во всей их многогранности. Значение этого обстоятельство тем более велико, что в последние годы в критической литературе о Гоголе наметилась одна ошибочная тенденция, особенно наглядно проявляющаяся в отдельных работах, которые вышли в издательстве, 1952 году. Обнаружались попытки всецело сглаживать противоречия, свойственные творчеству Гоголя. Благодушно-быльнейный пафос толпил в подобных работах живую и неповторимую индивидуальность писателя. М. Храп-

ченко не скрывает, а вскрывает свои собственные творчество Гоголя противоречия. В его анализе всегда ощущается живая, сложная, отмеченный печалью резкого своеобразия облик художника.

Прада, в монографии есть одно узким место, связанное с анализом мировоззрения Гоголя в 30-х и в начале 40-х гг.

В книге довольно прозрачно проглянывает мысль о том, что основным направлением своего творчества Гоголь принадлежал к передовой, демократической литературе, но во взглядах своих писатель отразил черты, близкие господствовавшей идеологии, — например, веру в царя, заблуждающегося якобы обо всех классах общества, веру в силу справедливых законов, религиозно-мистические идеи и т. д. Подобные идеи проникали и в некоторые художественные произведения писателя, но преимущественно они являлись достоянием его мировоззрения. Конечно, нигде в книге эта мысль не сформулирована с такой грубой и откровенной прямолинейностью. Но в конечном счете логика рассуждений автора монографии ведет именно к такому умозаключению.

М. Храпченко не раз акцентировал мысль о реакционных элементах гоголевского мировоззрения, но вместе с тем очень точно, как бы между прочим, касается фактов, свидетельствующих о том, что слабые и отсталые в мировоззрении Гоголя перелетелась с яркими прогрессивными тенденциями. Подобное смещение акцента чревато опасностью, ибо оно таит в себе возможность вывода, будто бы Гоголь в своих обличительных произведениях не ставил перед собой сколько-нибудь серьезной сатирической задачи. Характерная деталь. В вышедшей три года назад книге о «Мертвых душах» М. Храпченко именно так и писал: «Показывая своих героев, Гоголь не ставил перед собой задачу создать сатирические образы; он изображал жизнь в ее реальном обличии, в ее истине, и именно это глубокое воплощение жизненной правды выступало, как безусловная сатира».

Творчество Гоголя осмыслено автором монографии в широкой историко-литературной перспективе. Правильно и глубоко решается в книге проблема художественного новаторства гоголевской сатиры и ее преемственной связи с предшествующим опытом русской литературы. Слабее разработана вопрос о значении гоголевской традиции для последующих судеб нашей литературы. Специальная глава, посвященная этой теме, носит более описательный, чем аналитический характер.

И еще одно замечание. Книга М. Храпченко выгодно отличается от тех еще далеко не переизданных в наше время бесстрастных, псевдоакадемических историко-литературных исследований, в которых личность исследователя, его эстетические идеалы ассоциируются с образом «яблока в сером». В книге М. Храпченко есть любовь к исследуемому писателю, в ней есть хороший полемический запал. Но в отдельных случаях этот запал, как мне кажется, расходуется зря. Например, он лишет, что «посуда высказывает мнение о том, что Тараса Бульбу следует рассматривать не как выразителя народных интересов, но как феодала. И затем следует опровержение этой точки зрения. Между тем, высказывая свое двадцать пять назад, она давно уже опровергнута, и едва ли есть сохранены в наше время чулки, которые принимали бы всевозможные утверждения».

Все это лишь затормаживает книгу. Стаить сказать, ее можно было бы сделать более компактной и плотной. В книге есть вещи общезвестные и совершенно необязательные в научной монографии. Их надо было устранить, и тогда ее рельефнее стало бы в книге то, что является в ней результатом исследования, что расширяет и обогащает наше представление о Гоголе.

Монография содержит в себе значительный, ценный и в основном верно освещенный материал, раскрывающий широту и многообразие творчества Гоголя, значение его художественного подвига. Отмеченные недочеты не скрывают общей, весьма положительной оценки большой работы, проделанной М. Храпченко в деле изучения великого русского писателя.

Общие отдельные формулировки в книге нуждаются в более обстоятельной аргументации, а иные — в уточнении или даже в пересмотре. Едва ли можно, например, соглашаться с тезисом о «широком воплощении освободительных идей» в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

